Но это были мысли для поля боя, для будущего, а сейчас перед ней был Тацуо, каким она его помнила. Когда эта мысль пронеслась в голове, гендзюцу на мгновение дрогнуло, и Тацуо предстал перед ней с разорванной шеей и потухшими глазами, но она укрепила свою волю, и он снова стал целым и здоровым. Она неохотно отпустила руки Тацуо, отступив назад, и он повторил ее движение. "Я хотела... - горло сжалось так сильно, что она не могла говорить. "...Я думаю, что могла бы полюбить тебя", - жалобно сказала она ему. "Ты был всем тем, чего я не знала, что хочу от партнера".

"У нас просто не было достаточно времени", - ответил Тацуо. "Отношения - это не то, что можно получить просто так. Их нужно строить, восстанавливать и поддерживать".

Сакура слабо улыбнулась, ведь это были не его слова. Они принадлежали другому Хёге, полностью вымышленному, но от этого не стали менее правдивыми. "Любовь - это дом, - пробормотала она. "Все дело в фундаменте." Она глубоко, неуверенно вздохнула и обнажила нож. Не новый и сверкающий, а тот, из обесцвеченной стали, привычный и удобный в ее руке.

Свободной рукой она потянула за косу и одним плавным движением перерезала ее у основания шеи. Обрезанные пряди упали вперед, задевая плечи, ссутулившись от движения и напряжения. Она никогда не задумывалась о том, насколько тяжелыми были эти волосы, пока их больше не стало, что было так же странно и неприятно, как отсутствие одежды.

"Я снова их отращу", - сказала она своей иллюзии, убирая нож в ножны, и наклонилась, чтобы покрутить длинные, заплетенные в косу волосы в чаше с алкоголем. "На этот раз не для кого-то другого. Только для меня, потому что мне это нравится. Но это, это был наш момент... Глупо и нелепо говорить об этом вслух, но... это всегда будет твоим", - пробормотала она, складывая пальцы в незнакомый знак.

Катон, - тихо произнесла она, не вздрагивая ни от огромной струи пламени, выплеснувшейся из чаши, ни от запаха расплавленных волос.

Она была обязана перед Тацуо, обязана перед собой не дрогнуть. И она снова и снова наполняла чашу, пока в ней не осталось ханазакэ, а от ее волос не остался лишь пепел, уносимый ветром.

[красный рис].

Пальцы матери крепко сжимали ее руки, а глаза Харуно Мебуки выглядели подозрительно влажными, и ее обычно строгое выражение лица было забыто. "О, Сакура, - вздохнула она. "Мы гордимся тобой".

"Но это не совсем то, что вы хотели для меня сделать", - тихо сказала Сакура, чтобы не выдать себя. "Я знаю. Я понимаю. Очень, очень понимаю. Когда я заканчивала Академию, я тоже не думала об этом".

"Мы просто не хотим тебя потерять", - подтвердила ее мать. "А мы уже так близко подошли к этому. А джоунин - у нас в семье никогда не было джоунина. Мы не можем - у нас нет связей, нет секретных дзюцу, которые мы могли бы тебе дать".

"Мне это и не нужно", - заверила ее Сакура, вспоминая мужчин, погибших из-за того, что они остановили взгляд на своих матерях, братьях, возлюбленных, поплатившихся за то, что у них было сердце. О людях, которые боялись огня, которые вздрагивали от страха, которые становились беспечными, когда их охватывала эйфория. За врагов, которым не понадобилось гэндзюцу, чтобы облегчить переход в загробный мир. Не все А-ранги предполагали бой, только риск, но для оценки они выбирали миссии, в которых этот риск был ближе к уверенности. И поскольку она хотела стать джоунином не ради звания, не ради денег, а ради возможности получить напарника, который останется, она выкладывала все свои таланты, даже когда могла бы предложить более быстрый конец.

Она научилась разделять это, отгонять чувство вины, отгораживаться от странной моральной проблемы: что хуже - мучить мужчину ужасными образами или воспользоваться его мягкой натурой. Кошмары еще не прошли, она все еще ощущала тяжесть всего этого, возможно, никогда от этого не избавится, но с каждым днем становилось все легче просто не думать об этом.

Она переместилась так, что обхватила локти матери. Сакура серьезно посмотрела в глаза Мебуки. "Все эти секретные техники, весь этот престиж, все эти традиции, все, что делает клан, - все это мне не нужно. Так что ни минуты не жалею о том, что ты не можешь мне этого дать. Мне не стыдно быть Харуно".

Но, думала она, обнимая мать, я не могу обещать, что когда-нибудь ты не будешь стыдиться меня.

Джарайя с недоумением смотрел на письмо, присланное ему редактором, и думал, что, возможно, он допустил какую-то ошибку при его расшифровке. Но, взглянув сначала на оригинал, а затем на тот, который он аккуратно распечатал, работая с тем адским шифром, который придумал его собеседник, он обнаружил, что его работа была абсолютно точной.

И от этого в его костях зародилось зловещее чувство, потому что на протяжении десяти лет у его информатора был только один вопрос.

Но теперь у него была просьба. Очень конкретная просьба.

Джарайя нахмурил брови, пытаясь понять, что именно имел в виду Учиха Итачи, когда просил найти медиков-нинов, способных инсценировать его смерть, помимо очевидного. Почему именно в указанные им сроки? Что изменилось? Чему он научился за все эти годы?

Но это были вопросы без ответов, и все, что он мог сделать, - это сжечь оба листа бумаги и решить, что когда он заберет Наруто обратно в Конохагакуре, то включит в список покупок

непредубежденного нина-медика.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3441130>